

Наталья Макарова... Это имя, более двадцати лет находившееся под запретом, сегодня вновь на устах любителей балета. И не только балета. Для многих нынешний приезд знаменитой во всем мире балерины в Россию — это первое знакомство с ней, с ее триумфальным прошлым и не менее плодотворным настоящим. Для старшего поколения Макарова — не легенда, Ольга Лепешинская считает ее гениальной балериной XX века, а Роман Виктюк — одной из немногих женщин, которая умеет слушать не перебивая. Как сложилась жизнь Натальи Макаровой после 1970 года? Как сложилась жизнь этой хрупкой ленинградской прима, запомнившейся современникам тревожной, мятущейся пластикой своей гениальной Жизели?

— Наталья Романовна, вы приехали в Россию, чтобы работать как драматическая актриса. Кто из вас кого выбрал: вы — Виктюка или он — вас?

— Нас свел Бог, Небо, Судьба... Четыре года назад Роман Григорьевич увидел меня на сцене Кировского (теперь — Мариинского) театра, где я после восемнадцатилетней разлуки с родной альма-матер танцевала па-де-де из «Евгения Онегина». Мы познакомились, много фантазировали, придумывали пьесу, в которой я могла бы сыграть. Поначалу это была пьеса-монолог об Элеоноре Дузе. Роман Григорьевич просмотрел все видеозаписи моих выступлений. Когда был у меня дома в Сан-Франциско, подолгу наблюдал за моим тренажем... Как-то мы сидели за столом, и вдруг он закричал: «Наташа! Пьеса, в которой ты будешь играть, называется «Двое на качелях»!».

— Легко ли вам было стать драматической актрисой?

— Для меня вообще ничего нет легко. Мне никогда не было легко в жизни. Кажется, нет ничего труднее «Лебединого озера»... Всю жизнь на сцене я чувствовала себя актрисой, которая умеет танцевать, а не балериной, которая умеет играть.

— И все-таки, Гитель Моска — это первая ваша драматическая роль?

— В 1986 году за исполнение главной роли в бродвейском мюзикле «На пунтах» (хореография Жоржа Балanchина) я была отмечена премией Тони и признана американскими критиками лучшей актрисой года. Это была роль балерины, хотя я там играла, говорила. Но прежде всего — танцевала. С не меньшим успехом я дебютировала на драматической сцене в Лондоне. Только что закончила сезон в Лондонском драматическом театре, где играла великую княгиню Татьяну в пьесе Жака Деваля «Товарищ». События этой пьесы перекликаются с августовскими событиями в Москве. Один из спектаклей я играла как раз в день переворота. Естественно, мысли, душа были здесь. Перед спектаклем я вышла на сцену и сказала: двадцать лет назад я выбрала свободу! Я хотела свободно говорить и свободно танцевать. Сегодня мой народ выбрал то же самое. Вы не представляете, что творилось в зале...

— Что заставило вас, солистку одной из лучших трупп мира, остаться, как казалось, навсегда, в Лондоне? Легко ли так решительно и внезапно переиначить свою жизнь?

— Не надо делать из меня жертву системы! Никто меня не притеснял и не отбирал ролей. Просто я остро ощущала собственную неустойчивость. Чувствовала, что могу гораздо больше, чем то, что предлагал мне тогда Кировский театр. Казалось, я знаю все, что будет со мной — завтра, через месяц, через год. А это — смерть. Я не хотела жить в искусстве, которое возведено в ранг государственного

ДРУГИЕ ТАНЦЫ

Мок. кассетамис - 1992 - 25 апреля

Наталья Макарова:

**«Не надо
делать
из меня
жертву
системы»**

и политического дела. Я не собиралась оставаться... Могу сказать, что подтолкнули меня к этому также события в Чехословакии (хотя я человек, далекий от политики). Не знала ни слова по-английски. Первое время была совершенно беспомощна, даже не умела позвонить по автомату. У меня никого не было за границей, кроме нескольких друзей. Я ничего не понимала в финансах, не знала, сколько кому платят. Первое время меня обманывали. Но это не имело значения. Я много работала. Я должна была выжить.

— Ощутили вы разницу в темпах работы над спектаклем на Западе и здесь?

— Безусловно. Здесь на роль — месяц, два. Там — неделя. Но у меня была, во-первых, хорошая школа, во-вторых, воля и желание.

— Вы «проснулись знаменитой» после спектакля Леонида Якобсона «Клоп»...

— Именно Леонид Васильевич дал мне ощущение свободы тела и свободы чувства. Благодаря ему в первую очередь

состоялась моя карьера на Западе. Якобсон был поистине великим балетмейстером и педагогом. Он намного опередил свое время.

— С кем из современных хореографов вы работали наиболее удачно? Кто из партнеров по сцене был вам особо интересен?

— Мой марафон по лучшим сценам ми-

не пускали коллег из Большого и Кировского театров... С Нуриевым мы танцевали несколько раз. Он был моим партнером. И Мише Барышникову я помогла. Когда он решил остаться, я уже четыре года жила в Англии. Первый спектакль я ему устроила в Метрополитен-опера-хаус в Нью-Йорке. Я должна была танцевать Жизель. И мне стоило немалых трудов убедить моего партнера, чтобы он отдал этот спектакль Мише. И свой первый спектакль Барышников танцевал со мной. Затем были и современные спектакли, и «Кармен» Бизе. Но самая удачная работа — это, конечно, «Другие танцы» — композиция на музыку Шопена в постановке Джерома Роббинса.

— Вспоминаете своих ленинградских педагогов?

— Конечно. У меня было много педагогов. Например, Вячеслова. Это начало моей балетной биографии. Все свои драматические игровые спектакли я делала с ней. Первую свою Джульетту я приготовила с ней. Петипа — это техника. У меня ее поначалу не было. Многим я обязана Аудинской...

— Что вас привело к постановке четырехактного балета «Баядерка»?

— Еще девочкой я переживала все драматические коллизии «Баядерки» на галерке Кировского театра. И эта детская любовь осталась на всю жизнь. В Бостонской библиотеке я достала все документы, где изложены задумки Мариуса Петипа, все, как это было в его дореволюционной постановке. В 1980 году я впервые выступила в роли хореографа, восстановив на сцене Метрополитен-опера-хаус полную версию «Баядерки». Спектакль вошел в репертуар лучших балетных трупп мира, таких, как Лондонский королевский балет, Миланский театр Ла-Скала и Королевский шведский оперный театр. Вскоре еду ставить его в Буэнос-Айрес.

— Как строятся ваши творческие отношения с Виктюком? Будете вы и дальше работать вместе?

— Мне трудно говорить о результатах нашей работы. Об этом судить зрителю. Одно из удивительных качеств Виктюка-режиссера то, как он умеет любить актеров, с которыми работает. В его спектаклях меня больше всего потрясает сочетание слова и пластики. Я видела, каким успехом пользуются его постановки на Западе, и видела, что творится здесь перед каждым его спектаклем. Я очень волновалась, особенно на первой премьере. И благодарна всем: актерам, зрителям, критикам — всем, кто меня поддержал. Конечно, мы будем работать с Романом Григорьевичем, на днях уезжаем в Петербург. Там, в Театре им. Пушкина покажем «Двое на качелях». Затем спектакль увидят американские зрители. А следующая совместная работа, вероятно, в начале будущего года. Это — Уильямс и Тургенев.

— У вас есть семья?

— Пожалуй, я одна из немногих «сильфид», у которой есть ребенок. Сыну Андрею 14 лет. А муж — скрипач.

— Хотели бы вы вернуться в Россию?

— Раньше, когда мне задавали этот вопрос, я отвечала: хотела бы, но только сразу из аэропорта — в лес. А теперь отвечаю: да, я хочу возвратиться.

ра связан с выдающимися хореографами и танцорами Европы и Америки — Джеромом Роббинсом, Морисом Бежаром, Фридериком Аштоном, Сержем Лифарем, Роланом Пети, Джоном Ноймайером, Жоржем Балanchиным, Михаилом Барышниковым и многими другими. Я привезла в Москву некоторые видеозаписи своих выступлений, которые были показаны на встрече со мной в Центральном Доме актера. Это — «Месяц в деревне» на музыку Шопена, «Манон Леско» Массне, композиция на музыку Кола Портера, «Кармен» Бизе, па-де-де и сцена письма Татьяны из балета «Евгений Онегин» в постановке Джона Кранка...

— Я была на этой встрече и слышала, как Ольга Лепешинская, увидев вашу Татьяну, воскликнула: «На гастролях за рубежом нам запрещали ходить на ее спектакли. Пускай теперь все видят, чего нас лишили!».

— То же самое было с Нуриевым и Барышниковым. На их спектакли так же

Беседу вел
Ирина ГОРЮНОВА.